

В Пасхальное воскресенье, 30 апреля, Оперный дом музея-усадьбы «Царицыно» пригласил на концерт вокальной музыки с участием Всеволода Гривнова (тенор) и Веры Никитиной (фортепиано). На московских афишах этот дуэт появляется не впервые: позади несколько больших программ в Музыкальной гостиной Дома Шуваловых на Поварской. Всеволод Гривнов, выпускник Гнесинской академии – сегодня, пожалуй, один из самых интересных русских теноров, работающих на мировой оперной сцене. Его блестящая карьера еще только развивается и пока больше известна зарубежным слушателям и импрессарио. Недавний солист оперного театра в Ницце (1995–1997), а сейчас – ведущий тенор Датской Королевской оперы, он выступает также в других музыкальных театрах (среди них «Опера Бастиль», «Ковент Гарден», «Гранд-театр Женева», Израильская национальная опера, «Хьюстон Гранд-опера»).

Вокальный вечер в Царицыне

Имея значительный багаж в опере, В. Гривнов не сразу решился взяться за камерный репертуар. Постепенно, сезон за сезоном, он выходит как камерный певец перед московской публикой, которая по отзывам мировых оперных «звезд» считается одной из самых «трудных» и строгих.

На этот раз была представлена интереснейшая программа: Р. Шуман, «Любовь поэта» на стихи Г. Гейне и М. Глинка, «Прощание с Петербургом» на стихи Н. Кукольника.

Объединение этих двух циклов в одной программе закономерно. Это циклы-ровесники, написанные в 1840 году композиторами-современниками. Шуман и Глинка родились с разницей в шесть лет, а умерли с разрывом в полгода и оба в Германии (Бонн и Берлин). Два странных романтических гения: один страдал слуховыми галлюцинациями и душевной болезнью, другой, будучи истинно русским художником, с трудом жил в России, возил за собой через Европу «зоопарк» домашних животных и испытывал наклонности модного «байронического» свойства. Для обоих композиторов время вокруг плодотворного 1840 года стало эпохой расцвета и творческой зрелости. Шуман в «год любви» обрел желанную женщину и написал свои лучшие песни (оба «Круга песен», «Мирты», «Любовь и жизнь женщины», «Любовь поэта»). В жизни Глинки, напротив, наступил момент разочарования в любви, в семейном счастье, и с русской тоской в сердце он создает «Вальс-фантазию» (пока еще для фортепиано), лучшие романсы («Сомнение», «Ночной смотр», «Я помню чудное мгновенье»), цикл «Прощание с Петербургом», большую часть «Руслана и Людмилы». Все это по-своему отозвалось в музыке избранных романсов.

Такая ответственной программой, конечно, ко многому обязывала исполнителей. В первой части вечера звучала «Любовь поэта». Большая субъективность и эмоциональная хрупкость вокальной лирики Шумана была блестяще выражена в пении В. Гривнова и игре В. Никитиной. Певцу прекрасно удалось передать в музыке особый шумановский психологизм, для воплощения которого нужно иметь не только «золотое горло», но и необычайно подвижную душу, способную почувствовать болезненную ранимость и исключительную интимность происходящих с поэтом – героем цикла – метаморфоз. Сложность исполнения «вокального» Шумана (композитора, так высоко ценившего поэтический акцент речи в музыке) часто не преодолима для русских певцов. Но в этот вечер немецкая речь Шумана-Гейне звучала адекватно и убедительно. Казалось, что Гривнов не только поет, но думает и чувствует по-немецки!

Дуэт Всеволода Гривнова и Веры Никитиной создал цепь интерпретаций большой художественной точности. Для каждого романса ими найден свой круг вокальных интонаций, нюансов фортепианной фактуры. Особенно ответственна роль пианиста в «Любви поэта». Фортепианная партия здесь – это смысловой, психологический Urtext происходящего. От исполнителя требуется абсолютное владение инструментом для передачи всего многообразия деталей, создания эффекта «говорящего» фортепиано, что прекрасно удалось Вере Никитиной. В ее руках рояль превратился в дирижера, который задал модус действия в короткой прелюдии и подвел итог случившемуся в постлюдии цикла. Спеть эпитафию, когда уже молчит певец, – эта наисложнейшая задача подвластна пианистке!

Музыка Глинки, прозвучавшая во второй части концерта, всегда требует от певца настоящего мастерства. Глинка, будучи сам прекрасным певцом, педагогом-вокалистом, создал большой цикл значительной сложности, и оттого редко исполняемый. Здесь негде скрыться: отсутствие внешней концертной эффектности, состояние истинно камерного музицирования понуждают искать тончайшие и одновременно убедительные оттенки в градации звука и смысла. В глинкинских романсах Всеволод Гривнов вновь показал исключительное владение дыханием (вспомним хотя бы труднейшее «Уснули голубые»), регистрами, тембровыми красками, динамическими ресурсами голоса. Добавим и ту внутреннюю естественность, искренность, простоту выражения, которая неизбежно возникает, когда русскую музыку исполняет русский певец, и уточним – певец талантливый. В тот вечер, после праздника, было слышно, как «между небом и землей», между душой и плотью, между божественным и убогим, между радостью и тоской рождается голос поэта и певца-«жаворонка».

Мира ДМИТРИЕВА.

Рос. опер. вечера - 2000 - май (1-5) - с. 18